

нящегося, рискованного и сложного» [9. С. 22]. Переход к новой философской парадигме, к новому осмыслению восприятия и понимания мира создает новые концепции лидерства.

Выводы

Феномен лидерства проанализирован как целостность в пределах философско-культурной традиции. Обоснован тезис о том, что в эволюции фи-

лософско-культурной традиции проблема лидерства перекликается с проблемой власти. Прослежена эволюция и взаимосвязь ценностных теорий лидерства Р. Гринлифа, К. Ходжкинсона и Г. Фейерхольма, Т. и С. Кучмарских, аргументирован тезис о том, что в дискурсе теорий ценностного лидерства организационное лидерство исследовано в контексте аксиологии межсубъектных взаимоотношений участников лидерского процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политическая энциклопедия: В 2 т. / под ред. Г.Ю. Семигина. – М.: Мысль, 1999. – Т. 2. – С. 628–629.
2. Макиавелли Н. Избранные произведения. – М.: Художественная литература, 1982. – 460 с.
3. Волобуева М.М. Философия харизматического лидерства и ее имплицитность в поле гуманитарного знания // Философия. – 2003. – Т. 35. – Вып. 1. – С. 69–73.
4. Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
5. Психология и психоанализ власти: Хрестоматия: В 2-х т. – Самара: БАХРАХ, 1999. – 640 с.
6. Бакунин М.А. Полное собрание сочинения. – СПб.: Балашов, 1907. – Т. 2. – 238 с.
7. Кудряшова Е.В. Лидерство как предмет социально-философского анализа: дис. ... д. филос. наук: 09. 00. 11. – М., 1996. – 359 с.
8. Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство. Исследование лидерства в современной западной общественно-политической мысли. – Архангельск: Изд-во Поморского международ. пед. ун-та, 1996. – 256 с.
9. Уроки лидерства / Р.Л. Дафт; при участии П. Лейн; [пер. с англ. А.В. Козлова; под ред. проф. И.В. Андреевой]. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.

Поступила 01.06.2010 г.

УДК 316.472.4

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОГО СОЦИУМА НАГОРНОГО КАРАБАХА В СОВЕТСКОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В.А. Пономарёв

Юргинский технологический институт (филиал) ТПУ
E-mail: PWA13@mail.ru

Рассматриваются социальные и демографические проблемы развития армянского социума Нагорно-Карабахской автономной области в составе Азербайджанской ССР (1923–1988 гг.) ставшие причинами возникновения межэтнического конфликта в 80-х – 90-х гг. XX в.

Ключевые слова:

Автономия, демографические процессы, межэтнический конфликт.

Key words:

Autonomy, population processes, interethnic conflict.

1918 г. стал ключевым в возникновении карабахского конфликта вследствие распада Российской империи, вторжения в Закавказье турко-германских войск и создания ими на обломках закавказских губерний марионеточного государственного образования, названного «Азербайджаном» [1] по имени северной Персидской провинции, – в целях последующей аннексии последней и прямого выхода в Среднюю Азию.

Территория Нагорного Карабаха в целом намного больше той территории, на которой в 1923 г. была создана автономная область Нагорного Карабаха (АОНК) в её малых границах. Последние было

поручено определить АзЦИК – прямому наследнику правительства Азербайджанской Демократической Республики.

Тогда не существовало никаких границ, – ни НКАО, ни границ между Советскими Арменией и Азербайджаном. В Российской империи границы губерний и уездов проводились в целях удобства управления, кроились, исходя из определённой численности населения в административной единице.

5 июля 1921 г. Нагорный Карабах полностью, в своих историко-географических границах был передан Азербайджанской ССР решением Кавбюро ЦК РКП(б) с предоставлением ему «широкой

областной автономии с административным центром в городе Шуше» [2].

Потребовалось два года переписки и скандалов, прежде чем под давлением Заккрайкома и ЗакЦИКа – руководящих органов ЗСФСР или Закфедерации, объединявшей в 1922–1936 гг. три союзные республики Закавказья, – власти АзССР предприняли реальные шаги по созданию автономии в Нагорном Карабахе.

4 ноября 1921 г., 20 марта и 18 сентября 1922 г. Заккрайком обращал внимание руководителей АзССР на необходимость претворения в жизнь постановления о создании автономии Нагорного Карабаха. 14 декабря 1922 г. Заккрайком принял новое специальное постановление о претворении в жизнь решения об автономии Нагорного Карабаха. С этой целью был избран специальный комитет по делам Нагорного Карабаха при СНК АзССР в составе С.М. Кирова, Т.К. Мирзабекяна и А.Н. Каракозова. 22 декабря 1922 г. Союзный Совет Закфедерации принял соответствующее постановление об ускорении оформления автономии Нагорного Карабаха. Руководство АзССР проигнорировало решение [3].

10 марта Заккрайком потребовал от руководства АзССР решить вопрос об автономии Нагорного Карабаха с центром в Шуше. В ответ Н. Нариманов и другие руководители АзССР из числа местных национал-большевиков подали версию об «опасности угнетения азербайджанских тюрок армянами в Азербайджане». Они распространили её на XII съезде РКП(б) на одном из заседаний 24 апреля 1923 г., но поддержки не получили. Сталин, касаясь заявлений руководителей Азербайджана, отмечал: «...чтобы в чужом государстве меньшинство угнетало людей большинства, – таких неестественных вещей никогда не бывало» [4].

Дело с автономией края не решалось. Представитель Заккрайкома в Нагорном Карабахе С. Шадунц многократно обращался к руководству Закфедерации по поводу саботирования АзЦИКом вопроса автономизации Нагорного Карабаха. В письме от 13 июня 1923 г. он информировал: «Приведённые факты... достаточно наглядно говорят, что оставить эту страну в пределах Азербайджана при том отношении, какое было до сих пор, нельзя, поэтому я полагаю, что эта автономная область должна быть связана непосредственно с Заксовнаркомом» [5].

Его мнение было выражено в письме 18 июня 1923 г.: «Я нахожу, что Зангезур совершенно оторван от Армении, и никакой связи с ней не имеет... Я нахожу, что для правильного разрешения национального вопроса как в Карабахе, так и в Зангезуре и для экономического возрождения этой страны (Карабаха и Зангезура) необходимо выделить Нагорную часть Карабаха вместе с Зангезуром в одну автономную единицу» [5].

Под давлением Закфедерации, 7 июля 1923 г. АзЦИК своим Декретом провозгласил автономию на «Армянской части Нагорного Карабаха» [6].

Для претворения декрета в жизнь была образована Центральная комиссия по делам Нагорного Карабаха в составе С.М. Кирова, Т.К. Мирзабекяна и А.Н. Каракозова и Комитет по делам Нагорного Карабаха под председательством А.Н. Каракозова [7]. Дальше издания Декрета, образования комиссии и комитета в АзССР не пошли.

Таким образом, в ходе создания в 1923 г. автономии в аннексированном Нагорном Карабахе значительная часть его не была включена в автономию и осталась за её пределами. В юридических документах этот факт получил своё наглядное отражение.

В 1923–1936 гг. область официально называлась не НКАО (Нагорно-Карабахская автономная область), а АОНК, что расшифровывалось как «Автономная область Нагорного Карабаха». Об этом свидетельствует само название декрета АзЦИКа от 7 июля 1923 г. «Об образовании Автономной области Нагорного Карабаха» [6]. Тем самым смысл первоначального названия, АОНК – в том, что автономная область создана на части территории Нагорного Карабаха. Последующее название – НКАО, или Нагорно-Карабахская автономная область, низводило территорию всего Нагорного Карабаха до административных границ этой самой автономии.

В 1923 г. была создана автономная область Нагорного Карабаха из частей дореволюционных Джеванширского, Шушинского и Карягинского уездов, изначально площадью в 4,59 тыс. км² [8]. В более поздних изданиях площадь АОНК указывалась равной 4,2 тыс. кв. км [9]. В поздних советских изданиях площадь НКАО традиционно указывалась – 4,4 тыс. кв. км [10].

Власти АзССР проигнорировали решение вышестоящих партийных и иных инстанций о Шуше как об областном центре. Областным центром АзЦИК объявил местечко Ханкенд (тюрк. – «ханское село») – небольшой посёлок, по-армянски когда-то именовавшийся Вараракн – дачное место с садами и лугами, близ которого был расквартирован гарнизон русских войск [11].

ЦИК АзССР было поручено определить границы автономии, но он разрезал край на две части по Мравскому (Муровдагскому) хребту: армянские районы южнее хребта в урезанном виде вошли в состав АОНК, а всё, что было севернее – включено в состав АзССР.

В связи с этим изначально абсурдны утверждения азербайджанской стороны о том, что «границы области были определены таким образом, чтобы обеспечить большинство армянского населения» [12]. Армяне составляли подавляющее большинство в Нагорном Карабахе, но, насильственное отрезание от края его северных районов с практически однородным армянским населением не могло обеспечить большинство армянского населения. После уничтожения армянского большинства

столицы края Шуши, которая после 1920 г. стала практически исключительно тюркской, район продолжал стремительно тюркизироваться при большевиках.

А. Букшпан в изданной в 1932 г. в Баку книге «Азербайджанские курды» отмечал: «...постановление, должно быть, вследствие не утверждения вышестоящими органами не было реализовано немедленно» [13]. Автор книги утверждал, что, рассматривая разрозненные материалы, относящиеся к районированию Азербайджана 1923 г., он не смог разыскать «всега дела районирования» [14].

Часть территории АОНК, которая граничила с Арменией, была выведена из состава автономии и включена в состав образованного позднее Лачинского района АзССР. Автономная область Нагорного Карабаха стала анклавом.

В ходе войны 1918-1920 гг. погибло примерно 20 % населения Нагорного Карабаха, сам край находился в состоянии разрухи. О численности населения отдельных районов Нагорного Карабаха в начале XX в. и сразу после советизации, то есть по окончании войны и погромов отмечается в статье В. Худадова «Современный Азербайджан» в разделе «Армяно-татарские отношения», где автор упоминает эпидемию оспы, в результате которой «в районе Варанда к северо-востоку от Шуши, армянское население, насчитывавшее тогда 80000 душ, потеряло за зиму 1906–1907 гг. 1300 детей, умерших от оспы» [15].

Согласно сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921 г., 94,4 % населения, проживавшего на территориях, вошедших позже, в 1923 г., в состав новообразованной Автономной области Нагорного Карабаха, составляли армяне и 5,6 % – азербайджанские тюрки и другие национальности [16].

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в АОНК проживали 125300 человек, в том числе армян – 111694 человека, или 89,1 %, азербайджанских тюрков – 12592 человека, или 9 %, русских – 596 человек, или 0,5 % [17].

За первые пять лет после передачи Нагорного Карабаха АзССР и через три года после создания АОНК, численность населения последней сократилась на 4-6 тыс. человек, при этом численность армянского населения уменьшилась на 11-12 тыс. чел. Этот факт можно объяснить массовым выездом за пределы Нагорного Карабаха армянских беженцев из Шуши и ряда разорённых сел после официального включения края в состав АзССР.

После пожара и погромов марта 1920 г. в Шуше проживало 9,2 тыс. чел., из них армян – 289 чел. [18]

26 мая 1920 г. армянская газета «Жоговурд» («Народ») сообщила: «...В результате имевших место в Карабахе боёв разрушены и разграблены город Шуша и свыше 30 сёл, в результате чего появилось 25000 беженцев. Согласно записи, проведённой 28 апреля, 12335 чел. разместились в Варанде и Дизаке, причём 5975 чел. из них городские жители, со-

вершенно голодные, раздетые и разутые. Беженцы разбросаны также в Хаченском и Джеванширском уездах, в которых из-за нарушения сообщений не было точной записи. Приблизительно можно насчитать в этих районах 25500 беженцев, для размещения которых заняты пригодные государственные и частные здания. В Варанде и Дизаке чувствуются продовольственные затруднения» [19].

Беженцы-шушинцы оказались наиболее обездоленной частью населения края после окончания войны.

По данным переписи населения СССР 1926 г., в Гянджинском уезде АзССР жило 206,7 тыс. чел. [8]; т. е. численность армянского населения этого уезда (не учитывая возможных изменений за 1921–1926 гг.) составляла около 70 тыс. чел.

На территориях, вошедших в состав АзССР, армянское население значительно сократилось вследствие массовых убийств, погромов, осуществлённых турко-мусаватистами в 1918–1920 гг. Особенно это коснулось Баку и районов расселения армян вне Нагорного Карабаха, в предгорьях Большого Кавказа: если в 1914 г. армяне составляли 12,6 % общего числа населения Геокчайского уезда, то в 1921 г. – уже 4,9 %. В Шемахинском уезде соответственно 13,4 и 7,3 %, в Агдашском уезде – 19,5 и 0,7 %, в Нухинском – 20,2 и 2,4 %. В 1914 г. в Шемахинском, Геокчайском, Арешском и Нухинском уездах (предгорья Большого Кавказа) армян проживало 73,5 тыс. чел., а в 1921 г. – лишь 12,7 тыс. [20]

Советский этнограф И.Г. Волкова по этому поводу отмечала: «В Азербайджане, там, где ранее жили армяне, оставались пустые земли или были поселены азербайджанцы и курды. В Шемахинском уезде было разрушено 24 селения с 17 тыс. жителей, в Нухинском уезде – 20 селений с 20 тыс. То же наблюдалось в городах Агдаме, Гандже, Нухе, Шемахе. Армянское население уцелело лишь в тех местах, куда не проникли мусаватисты: нагорье Елизаветпольской губернии (Казахский, Елизаветпольский, Джеванширский уезды)» [21].

В результате, по переписи 1926 г., в АзССР армянское население составило 12,2 % от общей численности населения (2,31 млн чел.), или 282 тыс. чел. [8]

Примерно столько числилось армян накануне Первой мировой войны в одном лишь Нагорном Карабахе.

В 1917–1920 гг. от турецкой оккупации и последующих репрессий со стороны Азербайджанской Демократической Республики сильно пострадало и русское население, – прежде всего Мугани, которую русские поселенцы за 40–50 лет превратили из бесплодной степи в богатую провинцию [22].

На 1926 г. в Автономной области Нагорного Карабаха и шести уездах АзССР, вместе охватывавших территорию вошедшего в состав АзССР Куро-Араксинского междуречья, проживало не менее 200 тыс. армян, а также до 50 тыс. курдов «Красно-

го Курдистана» и других районов; более 30 тыс. русских и иных славян; до 10 тыс. немцев. Всего – более 700 тыс. чел. [8]

В последующие годы на территории самой АОНК-НКАО возникло значительное количество мини-анклавов, выведенных из областного подчинения и переданных в подчинение соседних с автономной областью районов. Это были новые азербайджанские сёла, возникавшие на карте области, особенно в послевоенные годы. Другая роль анклавов была связана с территориями сельскохозяйственного назначения. Часто плодородные земли изымали у армянских хозяйств НКАО и передавали вновь созданным близ её административных границ азербайджанским сёлам.

В 1920–1960-х гг. на не включённых в АОНК территориях Нагорного Карабаха создавались и ликвидировались новые уезды, районы с целью искусственного создания в новых административных образованиях азербайджанского большинства. К 1980-м гг. северная часть Нагорного Карабаха была частями включена в состав административных единиц (районов) АзССР.

Стоявшие в руководстве АзССР националистические элементы, впоследствии ставшие большевиками, развили идею постепенного расчленения территории армянского Нагорного Карабаха: от самого крупного по территории и населению района армянского Нагорного Карабаха Варанды был отрезан стратегически важный район Шуши. Этот район включил в себя как сам город, расположенный на высоком плато, которое позволяет контролировать всю округу, так и местность к востоку и юго-востоку от шушинского плато, по-над дорогой Шуша-Горис (в старину – Кеорис, тюрк. – Герюсы). Так на карте АОНК появился Шушинский район, ставший самым маленьким по территории сельским административным районом в АзССР: его площадь составила 300 кв. км [23]. Это была маленькая территория для сельского района, даже для относительно небольших, по советским масштабам, закавказских республик.

До революции 1917 г. обширный Шушинский уезд имел армянское большинство в его тогдашних границах, простиравшихся далеко за пределы Нагорного Карабаха, на Куро-Араксинскую низменность, с её многотысячным полукочевым тюркским населением.

В марте 1920 г. начались столкновения между направленными в Нагорный Карабах с целью разоружения и уничтожения карабахских армян турко-азербайджанскими войсками Азербайджанской Демократической Республики и силами самообороны Национального совета Нагорного Карабаха.

Самые трагические события произошли в столице края Шуше. Из армянского населения мало кто предполагал, что противник развернёт войну в столице края, где пострадают обе части города.

В ночь с 22 на 23 марта верхняя, армянская часть города была обстреляна из орудий и подожжена [24].

В ходе убийств и погромов азербайджанскими аскерами и местными вооружёнными формированиями были совершены чудовищные преступления против человечности [25].

Советизация Нагорного Карабаха и последующая его передача АзССР свели на нет надежды армян Шуши на возвращение в родной город. Как и в случае с Нахичеванью, беженцам-армянам фактически был закрыт путь к возвращению в Шушу. На протяжении последующих лет беженцам-армянам отказывалось в праве вернуться в Шушу, не принималось никаких мер по восстановлению города, руины которого простояли почти 50 лет – до конца 1960-х гг.

Лишившись урбанизированной армянской части города с её торговыми, культурными, учебно-просветительскими и медицинскими заведениями, оставшаяся мусульманская часть Шуши была обречена на жалкое существование и постепенную стагнацию.

В середине 1960-х гг. в Баку было принято решение снести развалины армянской части Шуши в целях расширения «жизненного пространства» для азербайджанских переселенцев и окончательной ликвидации следов армянского характера города. В этот период были снесены остовы трёх армянских и русской церкви, уничтожены несколько расположенных в городской черте армянских кладбищ с прекрасными надгробиями и памятниками. Надгробья с армянских кладбищ использовались как стройматериал для новых домов и дач партийных функционеров.

Во время Великой Отечественной войны из НКАО были мобилизованы и ушли на фронт добровольцами около 45 тыс. чел., или 32 % населения [26]. В среднем по СССР эти цифры были много ниже. Процент мобилизации населения в армию в НКАО был в два раза больше, чем в фашистской Германии во время Второй мировой войны.

Из числа ушедших на фронт из НКАО карабахских армян погибли, по разным данным, от 18 до 22 тыс. чел., что составило от 12 до 15 % от общей численности населения. Таким образом, в маленькой армянской автономной области, находившейся в годы войны в глубоком тылу, на войне погиб каждый седьмой-восьмой её житель, что намного превышало среднесоюзный уровень потерь и сравнимо с потерями Белоруссии, где в условиях ожесточённых боевых операций и многолетней фашистской оккупации погиб каждый четвёртый житель [27].

После окончания Второй мировой войны армян Нагорного Карабаха ждали новые мобилизации – принудительный рекрутский набор от каждой деревни в ФЗУ (фабрично-заводские училища)

в промышленные города АзССР. Наборы проводились по отдельным разрядам на каждое село, иной раз силой, при участии войск НКВД. Выступления против принудительного набора расценивались как антигосударственные, со всеми вытекающими последствиями.

Власти АзССР обеспечивали свои города рабочими и строителями и одновременно способствовали опустошению армянских сёл и посёлков Нагорного Карабаха. Многие тысячи карабахцев оседали в Баку, Сумгаите, Мингечауре. Невест, как было заведено, они выбирали из родных мест и привозили в город. Их дети уже вырастали бакинцами, сумгайтцами и т. п.

Власти АзССР использовали любую возможность для опустошения карабахских сёл.

Вследствие политики выдавливания армян из Нагорного Карабаха в крае «за период 1926–1976 гг. стало на 85 армянских населённых пунктов меньше. За период 1921–1988 гг. на территории бывшей Нагорно-Карабахской автономной области появилось 36 новых азербайджанских сёл [28].

Процесс старения населения в Нагорном Карабахе принял угрожающий характер вследствие вынужденной массовой миграции за пределы края студенческой молодёжи, трудовых кадров молодого и среднего возрастов. Несмотря на традиционно большое число людей почтенных лет, свою известность края долгожителей Нагорный Карабах в советский период приобрёл благодаря негативному процессу старения населения: «Число учащихся общеобразовательных школ в Азербайджанской ССР составляет четверть населения республики, а в Нагорном Карабахе – менее одной шестой. По сравнению с 1970 г. число школьников области сократилось на 13 тыс. В Гадрутском районе общее количество учащихся девятых и десятых классов не превышает 300» [29].

В результате, если в 1939–1940 учебном году на территории НКАО существовало 198 школ с 41,8 тыс. учащихся, из коих 3000 были азербай-

джанцами, то в 1988–1989 уч. году в 196 школах области обучались 32,7 учащихся, из них – 8000 азербайджанцев в 44 школах [30].

В Азербайджанской ССР при декларировании «интернационализма» и дружбы народов на деле осуществлялась социальная политика, направленная против армянского большинства Нагорного Карабаха.

12 июля 1969 г. на пленуме ЦК КП Азербайджана Первым секретарём был избран Г. Алиев. Его пребывание в 1970-х гг. в руководстве Азербайджана стало для азербайджанского населения Нагорного Карабаха проявлением особой заботы: проводилась большая работа по благоустройству дорог области, улучшилось снабжение азербайджанских сёл газом и электроэнергией, в 1973 г. в Степанакерте был открыт педагогический институт, развивалась сеть здравоохранения, в областных, городских и районных партийно-советских органах НКАО были открыты новые должности, на которые направлялись выпускники Бакинской высшей партийной школы и другие специалисты азербайджанской национальности.

Все эти меры, осуществлённые благодаря деятельностью Первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г. Алиева, способствовали усилению связей автономной области с другими регионами Азербайджана, благопритствуя притоку азербайджанцев, то есть, Г. Алиев, будучи в свою бытность Первым секретарём, старался изменить в Нагорном Карабахе демографию в пользу азербайджанского населения, делая всё для того, чтобы число армян сократилось.

Таким образом, начиная с 1918 г., армянский социум Нагорного Карабаха подвергался геноциду. Сначала со стороны турецких агрессоров и их ставленников в лице руководства Азербайджанской Демократической Республики, а после волевого и юридически ничтожного решения большевиков о включении края в состав Азербайджанской ССР – со стороны властей последней, в течение всего периода существования этой советской республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Протоколы заседаний мусульманских фракций Закавказского Сейма и Азербайджанского Национального Совета 1918 г. – Баку, 2006. – С. 123–125.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 64, Оп. 1, Д. 1, Л. 125. Заверенная копия.
3. Арагат А. О двух «забытых» страницах проблемы Нагорного Карабаха // Советский Карабах. – 1990. – 3 нояб.
4. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. – М., 1968. – С. 660.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 85, Оп. 24, Д. 307, Л. 1.
6. Декрет АзЦИКа Советов «Об образовании Автономной области Нагорного Карабаха» от 7 июля 1923 г. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства АССР за 1923 г. – Баку, 1923. – С. 384–385.
7. К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. 1918–1925: Документы и материалы. – Б.: Азернешр, 1989. – С. 12.
8. Малая Советская Энциклопедия (МСЭ) / Первое издание. М.: ОГИЗ РСФСР. – 1932. – Т. 1. – С. 148.
9. Малая Советская Энциклопедия (МСЭ) / Второе издание. М.: ОГИЗ РСФСР. – 1933. – Т. 1. – С. 174.
10. Большая Советская Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. – 1974. – Т. 17. – С. 198.
11. Пономарёв В.А. Геноцид – самое жестокое и неоправданное преступление против человечества // Учёные записки Арцахского государственного университета. – Степанакерт: Изд-во Арцахского госун-та, 2009. – № 1 (19). – С. 66.
12. Маммадов И., Мусаев Т. Армяно-азербайджанский конфликт / История. Право. Посредничество / 2-е изд. – Тула: ЗАО Гриф и К^о, 2007. – С. 36.

13. Букшпан А. Азербайджанские курды. Заметки. – Баку, 1932. – С. 10–11.
14. Мелик-Шахназаров А. Кто и когда аннексировал сухопутный коридор между Нагорным Карабахом и Арменией // Республика Армения. – 1992. – 5 июня.
15. Худадов В. Современный Азербайджан // Новый Восток. – 1926. – № 3. – С. 181.
16. Нагорный Карабах за годы советской власти / Краткий статистический сборник. – Степанакерт, 1969. – С. 7.
17. Всесоюзная перепись населения Закавказской СФСР 1926 г. – М.: Издательство ЦСУ СССР, 1929. – Т. 14. – С. 53.
18. Известия Аз. ЦСУ. – 1922. – № 2 (4). – С. 100.
19. Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов. Ереван: Изд. АН Армении, 1992. – С. 472.
20. Сельскохозяйственная перепись населения АзССР 1921 г. Известия Аз. ЦСУ. – 1923. – №1 (7). – С. 47.
21. Волкова Н.Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв. / Кавказский этнографический сборник. – М., 1969. – Т. IV. – С. 10.
22. Архив Русской революции. М.: TERRA-Политиздат, 1991. – Т. 9–10. – С. 115, 139.
23. Большая Советская Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. – 1978. – Т. 29. – С. 523.
24. Саркисян М. Из истории градостроительства Шуши. Армянский Центр стратегических и национальных исследований. – Ереван, 1996. – С. 30.
25. Мелик-Шахназаров З. Записки карабахского солдата. – М.: Шварц. – 1995. – С. 48–49.
26. Вестник архивов Армении. – Ереван, 1985. – № 1. – С. 112.
27. Арутюнян К.А. Участие армянского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945 гг.). – Ереван, 2004. – С. 18, 830–842.
28. Бабаян Д. Проблема водной безопасности Республики Армения и Арцаха в контексте урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. / Освобожденная территория Армении и урегулирование карабахского конфликта. / Сборник статей и материалов. – Ереван, 2006. – С. 173.
29. Абрамян Ш. Ошиблись – исправим // Советский Карабах. – 1988. – 7 июля.
30. Дадаян С., Ханян С. Истина превыше всего // Советский Карабах. – 1989. – 23 мая.

Поступила 19.04.2010 г.

УДК 008.009:39

БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

С.А. Песоцкая

Томский политехнический университет
E-mail: swetla62@tpu.ru

Национальный тип духовности рассматривается в качестве метапризнака своеобразия русской культуры. Как ключевые черты в структуре русского психотипа выделяются духовный максимализм, проявляющийся в беспокойстве духа, неудовлетворенности прозой обыденного существования, бескорыстие – отказ от выгоды как нравственно-этический эталон поведения. Устойчивость и воспроизводимость этих характеристик в исторической жизни русских подтверждается текстами художественной литературы XIX–XX вв.

Ключевые слова:

Базовые характеристики культуры, национальный тип духовности, архетипический, структура психотипа, инвариант, духовный максимализм, неудовлетворенность прозой обыденного существования, бескорыстие.

Key words:

Basic cultural characteristics, national type of spirituality, archetypal, structure of psychic-emotional types, invariant, spiritual maximalism, dissatisfaction with prosaic everyday life, unselfishness.

К числу базовых характеристик культуры зарубежные исследователи процессов развития и функционирования культуры Э. Холл и Г. Хофстед относили особенности восприятия категорий времени и пространства (и их использование в социальной практике), степень выраженности контекстуальности, скорость распространения информационных потоков, степень выраженности индивидуализма или коллективизма, «мужской» или «женский» характер культуры (маскулинность/феминность), иерархическую дистанцию в отношениях между людьми, избегание неопределенности [1. С. 234–250].

Национальный тип духовности с присущим ему особым характером ценностно-смысловых ориентаций и включающий эмоциональные предпочтения не рассматривался учеными в качестве базовой характеристики культуры – в силу того, что, являясь сложно организованной системой, он выступает в качестве метапризнака национально-культурного своеобразия, так как может включать другие характеристики культуры в качестве своего содержательного наполнения. Таким образом, в структуре или морфологии культуры национальный тип духовности не является равноположенным, то есть